

Пока одна рука обнимала его голову и успокаивала, другая начала продвигаться от его груди все ниже и ниже, пока не достигла тугого органа, с помощью которого она заставила Гарри исполнить восхитительную мелодию из мольб, стонов и вздохов.

Ей не потребовалось много времени, чтобы довести его до конца, чтобы он покрыл ее руку и свой живот резким семенем, и он застонал в плоть ее груди при первом толчке, и втором, и третьем... и так до тех пор, пока восьмая струйка спермы не вырвалась из щели его головки, оросив ее и его кожу жемчужно-белой жидкостью.

Флёр, как и прежде, вжимала его в себя, чтобы он не видел ничего, что не принадлежало бы ей, а её рука продолжала давить и двигать его член - Аллюр служил достойной заменой, не давая податливой плоти стать вялой. Гарри задыхался от боли, когда Флер продолжала поглаживать его член, доведя его до предела удовольствия, как она делала это ранее ночью, и усмехнулась, когда он попытался отодвинуться от ее груди, несомненно, желая сказать ей, чтобы она остановилась.

Но это был не его выбор. У него больше не было выбора. Он должен был понять это еще тогда, когда впервые впустил ее в свою жизнь, не говоря уже о том, что оказался таким охочим до ее страстей. Весь выбор, все мысли, все, чем он владел - и тело, и разум, и душа, - все это теперь принадлежало Флер. Чем скорее он это поймет, тем лучше.

А если нет? Что ж, пусть никто не говорит, что Флёр не любит сложных задач, а разбить Гарри Поттера на части, разнести в пух и прах всё, чем он был, а затем заново вылепить из него то, что она хотела бы видеть... это была всего лишь детская игра, а она была уже взрослой женщиной, и её желания и порывы были куда более злобными и обременительными для её потенциального любовника, чем те, что были когда-то у её детской сущности.

Он удивил ее, когда ему действительно удалось вынуть грудь изо рта и прошептать: "Флер, пожалуйста... это больно".

Ей было очень приятно слышать это, и она увеличила темп поглаживаний, перейдя на ударную скорость, его член становился тверже, набухал с каждой секундой, прилив крови наконец позволил ей ослабить воздействие "Аллюра".

"Я знаю, mon cher, знаю. Терпи, ради меня", - сказала Флер, снова целуя его в лоб и напевая песенку, а ее собственные соки струйками вытекали из ее киски на кровать и Гарри. "Еще немного, еще чуть-чуть", - успокаивала она его.

Он заплакал, и глаза его стали ярче, приобретя почти неземной зеленый блеск, после чего он решил спрятать лицо и снова прижался к ее груди, возможно, находя утешение в сосании плоти Флер. Но как она постоянно наращивала темп и крепче сжимала его член, так и Гарри становился все более неистовым в своих ласках ее груди. Там, где несколько мгновений назад он тщетно сосал сладкое молоко, которое никак не могло появиться, Флер почувствовала, как зубы начинают царапать ее кожу, а потом с такой силой сжимают грудь, что она снова запульсировала между ног, намочив постель еще больше, чем прежде. Она вскрикнула от

восторга, увидев столь неожиданную реакцию маленького мальчика, доказавшего ей, что ее похождения с ним доставляют немало удовольствия и что капитуляция может оказаться не такой уж легкой.

Впрочем, что легко достается, то легко и игнорируется. Нет, она отнимет у него все. Все. Все, чем он дорожил.

Пока в его голове не останется ничего, кроме мыслей о ней. Пока его сердце не будет биться для нее. Пока его душа не засияет для нее и только для нее.

Все, чем он был, и все, кем он должен был стать, было запечатлено в безумии Флер Делакур.

И вскоре, как она и обещала ему, ночные страсти закончились.

Гарри Поттер погрузился в сон через несколько минут после того, как его заставили вычистить своим языком беспорядок, который они устроили вместе.

Он мирно спал - несмотря ни на что - повернувшись спиной к веле, чья мягкая грудь прижималась к его лопаткам, которая удовлетворенно мурлыкала, проверяя своего нового любовника на прочность и доказывая, что он способен выдержать все мелочи ее суровой любви, а ее руки с когтями гладили его по всему телу, как гладят любимого питомца.

Ее глаза вновь стали полуночно-голубыми за мгновение до того, как она тоже погрузилась в дремоту.

Этой ночью Флер снились чудесные сны: зеленоглазый мальчик, голый, как в день своего рождения, стоял перед ней на коленях.

Он и не подозревал, насколько сильно искушает ее.

Даже когда он просто спал, обнаженный под одеялом. Его кожа имела свой запах, некую глубину, которую ей еще только предстояло изучить. Это было тело не обычного четырнадцатилетнего мальчика, даже не волшебника. Нет, у него не было ничего, что могло бы поставить его выше сверстников или старшеклассников в плане физического роста, тонуса мышц или их рельефа, а даже если бы и было, это никогда не привлекало ее интереса. Если бы Гарри Поттер не спал, его, несомненно, испугала бы близость Флёр Делакур, которая принялась нежно обнюхивать его обнажённую кожу, вбирая в себя его запах, который лежал поверх её.

Она не боялась, что он внезапно проснется, - мальчик был до смерти измотан, измучен всем, что только можно было с ним сделать, доведен ненасытностью Флер до грани беспамятства.

Бедный, бедный мальчик, ты ведь не мог предвидеть ничего из того, что произошло прошлой

ночью, не так ли? Милый маленький Гарри, теперь он весь мой, а ты еще не понял этого. Скоро поймешь.

В первый раз он так отчаянно жаждал своего освобождения, так стремился и был податлив ко всему, что она придумает.

Флер благодарила судьбу за то, что та подарила ей такую чудесную ночь; она и представить себе не смела, что все это может произойти так скоро, так сильно, совсем не так. Но всё это сделала маленькая ревнивая магглорождённая сучка, которая тщетно пыталась отвести своего друга от Флёр, так и не поняв, как глубоко она впиалась когтями в Гарри Поттера, ещё до ночи Йольского бала.

Он пытался, глупый мальчик, которым он был, сопротивляться, но в конце концов манипуляции Флёр победили.

Минута за минутой, час за часом, день за днём она накладывала Аллур на всё его существо. Другие, более высокомерные и менее умные веласы, могли бы атаковать его с яростью огненной бури, переполняя его центры удовольствия, заставляя его слишком быстро поддаваться, но что в этом такого, когда она могла получить гораздо более приятное, добровольное подчинение? Где радость от того, что она разрушила его достоинство и гордость, вместо того чтобы наблюдать, как он по собственной воле лишается их ради нее?

Однако Флер не спешила недооценивать парня, несмотря на события той ночи, которая привела их в ее комнату. В конце концов, он достаточно хорошо переносил ее Аллур без всякого предварительного воздействия, сдерживая собственное самодовольствие в течение невыносимых минут, пока Флер наконец не отпустила его, чтобы он искал ее в первом попавшемся месте. Однажды, и это было её самое любимое воспоминание о нём, Гарри не успел вовремя, и она с небольшого расстояния наблюдала за его разочарованием: он прислонился к стене, ноги дрожали под мантией, рука затерялась под тканью, а на полу остался белый след.

Она страстно желала его. Взять его, появиться сзади, обхватить одной рукой за талию, а другой погладить шею, склонить голову набок, чтобы оставить на нем свой след. Это было невыносимо, ужасно невыносимо.

С тех пор как она впервые поцеловала его, она не разрешала Эми и Данниэлю возвращаться в ее постель, даже для того, чтобы просто переночевать. Она не решалась, ее подстерегало искушение, и она хотела сохранить все это для Гарри. Все свое разочарование, все свое вожделение. Только для него, чтобы он вытерпел, выдержал и научился наслаждаться, как научились оба ее друга за прошедшие годы.